

Крыніцы і літаратура

1. Grabski, St. W Mińsku i Rydze / St. Grabski // Więż. – 1988. – № 11–12. – S. 166–178.
2. Tomaszewski, J. Robotnicy Białorusini w latach 1919–1939 w Polsce / J. Tomaszewski // „Acta Baltico-Slavica”. – 1967. – S. 93–116.
3. Gomółka, K. Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka // Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia. – 1992. – № 31. – S. 42–58.
4. Mironowicz, E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / E. Mironowicz. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie, 2007. – 294 s.
5. Bergman, A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej / A. Bergman. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984. – 288 s.
6. Mironowicz, E. Historia państw świata w XX wieku. Białoruś / E. Mironowicz. – Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2007. – 298 s.
7. Bergman, A. Rzecz o Bronisławie Taraszkiewiczzu / A. Bergman. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1977. – 243 s.
8. Paruch, W. Od konsolidacji państwowej do konsolidacji narodowej. Mniejszości narodowe w myśli politycznej obozu piłsudczykowskiego / W. Paruch. – Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1997. – 424 s.

УДК 94:327((47+57)+438)"1921":94(476):316.647.8=162.1"1918-1939"

А. М. Кротов

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

РИЖСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР КАК ФАКТОР НЕГАТИВИЗАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ БЕЛОРУСАМИ ПОЛЯКОВ И ПОЛЬШИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918–1939 ГОДЫ)

В статье советско-польская война и завершивший её Рижский мирный договор рассматриваются как фактор, ухудшивший традиционное восприятие белорусами Польши и поляков. Автор утверждает, что после распада Российской империи белорусы возлагали большие надежды на помощь Польши в создании собственного независимого государства. Однако восстанавливая в ходе войны с Советской Россией свои «исторические права» на белорусские земли и свой господствующий статус на них, поляки вызвали огромное разочарование среди белорусов и их неприязнь, дав актуальный материал для генезиса негативного стереотипа поляка и Польши.

Падение Речи Посполитой в конце XVIII в. означало, в числе прочего, крушение основополагающих принципов сосуществования под её эгидой разных народов, которые, оказавшись в новой для себя исторической ситуации, выпадали из сферы польских влияний. Польская культура, или как говорят польские историки, «польская цивилизация», долгое время монополюльно влиявшая на восточнославянскую периферию, отчасти даже ассимилировавшая её, потерпела в своих амбициях тяжёлое поражение. Поляки вынуждены были забыть о своей культуртрегерской миссии на востоке Европы и заняться проблемой сохранения собственного единства в условиях разделов, находясь под угрозой германизации и русификации. При этом, борясь за восстановление независимости в конце XVIII – 60-х годах XIX в., поляки искренне верили в патриотическое братство народов бывшей Речи Посполитой и не проявляли озабоченности насчёт возможного осложнения отношений с коренным населением белорусско-литовских земель. Хотя логично было бы подозревать, по крайней мере – белорусов, в накопленных за многие годы сосуществования с поляками

обидах, в пророссийских симпатиях, наконец. Ведь именно такого рода опасения высказывал ещё король Ян II Казимир на сейме 1668 г.: «Казак и Москаль приберут к себе людей, близких к ним по языку, и даже ВКЛ себе заберут» [1, с. 350].

Однако на деле было иначе. Если в XVI–XVII вв. в господствующем классе ВКЛ действительно были носители антипольских настроений (вспомнить хотя бы «Правову Мялешкі» [2]), что, собственно, и возбуждало недоверие поляков к литвинам, то к концу XVIII в. процесс полонизации белорусско-литовской шляхты эту ситуацию в корне изменил. Инкорпорируя её в свою среду и постепенно ассимилируя, господствующий класс Польши лишил белорусов того социального слоя, который в иных исторических обстоятельствах мог бы возглавить процесс национально-культурного возрождения. Вслед за шляхтой в процесс полонизации были вовлечены все те, кто пытался преуспеть в жизни. Своими усилиями они обогащали и без того более развитую польскую культуру.

По этой причине массовое сознание белорусов пребывало долгое время в законсервированном состоянии. На обыденном его уровне господствовали стереотипы, представлявшие собой мнения о представителях других народов, в том числе и поляках. Однако, изучая памятники фольклора – единственный вид источников, более или менее адекватно отражающих состояние белорусской духовной культуры и белорусской ментальности того времени, можно убедиться в том, что темпы формирования стереотипов разных народов отличались. В частности, серьёзные проблемы были с генезисом белорусского стереотипа поляка.

Объясняется данный феномен, во-первых, наличием у белорусов в XIX – начале XX в. серьёзных проблем с этнической самоидентификацией. И, во-вторых, тем обстоятельством, что Речь Посполитая была феодально-сословным государством и не являлась механизмом для реализации польских или чьих-либо иных национальных интересов. Термин «поляк» вообще долгое время был термином не национальным, а политическим и сословным. И только в этом значении Речь Посполитую можно было считать «польским государством». В Беларуси этнические поляки не являлись враждебным элементом. Их присутствие здесь не стало катализатором роста национального самосознания белорусов на основе развивающегося национального антагонизма, не актуализировало охранную функцию белорусского стереотипа поляка и не стимулировало тем самым стереотипотворческий процесс. Более того, в обыденной жизни имела место культурная диффузия. Оказавшись в белорусской этнокультурной среде, поляки испытывали на себе ассимилирующее воздействие со стороны белорусской культуры. Закономерным результатом этого процесса стало формирование феномена «кресовой польскости». В свою очередь, поляки внесли немалый вклад в процесс национально-культурного возрождения Беларуси.

Но с 60-х гг. XIX в. в Беларуси активизировалась российская пропаганда. Умеренное поощрение белорускости входило в расчёты российских администраторов «Северо-Западного края» как одно из средств борьбы с польскими влияниями. В рамках национально-культурного возрождения в Беларуси начинается процесс формирования белорусского национализма. Скорее всего, данное явление надо расценивать как дань моде, ибо никаких предпосылок для него в Беларуси ещё не было. Учитывая реальное состояние этнического самосознания белорусов в этот период, о перспективах развития белорусского национализма можно было не говорить.

Тем не менее, в ходе Первой мировой войны обстоятельства стали складываться таким образом, что даже у вялого белорусского национального движения появились совершенно неожиданные возможности и перспективы. 21 февраля 1918 г. Исполком Первого Всебелорусского съезда обратился к народам Беларуси с Уставной грамотой, в которой объявил себя временной властью на её территории [3]. 9 марта 1918 г. Исполком принял Вторую Уставную грамоту, в которой объявил Беларусь Белорусской Народной Республикой (БНР). Сам же Исполком был переименован в Раду БНР [4]. А 25 марта 1918 г. Рада БНР приняла Третью Уставную грамоту, в которой провозглашалась независимость Республики [5].

Но в итоге эксперимент БНР закончился, так и не успев толком начаться. Реальное состояние этнического самосознания титульного населения страны не оставляло никаких

надежд на исправление ситуации и в ближайшей, и в отдалённой перспективе. Белорусский крестьянин, в котором давно уже вытравили чувство хозяина собственной земли, а чувство национального достоинства ещё даже и не зародилось, вряд ли мог страстно желать создания белорусского национального государства, тем более бороться за него, не щадя своей жизни.

Создатели БНР, несмотря на свойственные им иллюзии, понимали, насколько не подготовлены были белорусы к решению стоявших перед ними исторических задач. Осознавали, что перед ними был обширный фронт культурно-просветительской и идеологической работы. Однако в сложившихся политических условиях необходимо было действовать решительно и быстро. Без внешней поддержки было не обойтись. Несмотря на возлагаемые на него надежды, германское руководство отказалось признать независимость БНР. Оно указывало, что препятствием тому является Брестский договор между Германией и РСФСР, которым Германия обязывалась не поддерживать новых государственных образований на территории бывшей России [6].

Но после восстановления независимости Польши в ноябре 1918 г. у белорусских политиков появляются большие надежды на помощь поляков. Национальный лидер поляков – Ю. Пилсудский – к тому времени считал целесообразным поддержку белорусизма, но только на территории Минщины, как средства противодействия России. Он говорил: «В так называемой Беларуси будет или польскость, или российскость. Всякая поддержка белорусизма искусственно его создаёт, однако мы не сможем дать ему этим силу. Потому, в целях победы над российскими влияниями, с ним надо маневрировать» [7]. К концу 1920 г. у Пилсудского укоренилось убеждение, что белорусские политики не представляют серьёзного политического партнёра и потому на них можно вообще не обращать внимания [7].

Пока Пилсудский и другие представители польской элиты определялись со своим отношением к белорусам, в пропагандистском лексиконе использовались старые пропагандистские штампы. В частности, девиз «*Za naszą i waszą wolność*», который обычно переводят «За нашу и вашу свободу». Во время Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. этот девиз польские патриоты писали на штандартах на польском и русском языках, со знаком красного креста на белом полотне. Его двуязычность подчёркивала, что восстание направлено не против русских людей, а только против царя. Использовали этот девиз поляки и во время польско-советской войны. Белорусские лидеры, разумеется, связывали его со своими чаяниями, полагая, что поляки искренни не только в своих патриотических порывах, но и в отношении к белорусам. Но, как выяснилось, патриотизм поляков совершенно естественным образом сосуществовал в них с пренебрежением к другим народам, в том числе и к белорусам. Еженедельник «Беларускі звон», издававшийся в Вильно Ф. Олехновичем, констатировал: «Поляки... никого и ничего, кроме поляков и польскости, вокруг себя не видят. Евреев они за людей не считают. Литовцев мало – их можно задушить. А белорусы – это выдумка – их никогда не было, и нет» [8, с. 1].

Именно такое мнение сложилось в белорусской политической и общественно-культурной среде о поляках в результате осмысления последнего опыта взаимоотношений с ними. Всеми способами представители этой среды пытались довести не только до белорусской, но и до европейской общественности правдивую информацию о той политике, которую проводили на белорусских землях польские власти [9; 10]. Так, например, уже в 1921 г. директор одной из белорусских школ в Гродно Иван Антонов писал: «Гучама всепожирающей саранчи с запада... надвигались на нас хорошо знакомые по прошлому... поляки. Жутко делалось в ожидании непрошенных гостей, ибо каждый из нас понимал, что несут... голод, ...руины, засилье, издевательство и порабощение народу, проснувшегося от многолетнего летаргического сна» [9, с. 9]. Столь мрачные предчувствия оправдались полностью: «Больше всего досталось от завоевателей-поляков представителям организованных белорусско-литовских учреждений – комитетов, школ, кооперативов, милиции, церквям и т. д. Учреждения обыкновенно закрывались, имущество расхищалось, а деятели-белорусы арестовывались жандармами, – некоторые из арестованных расстреливались, а те, что остались, отсылались в тюрьмы и концентрационные лагеря. Народ секли розгами, стальными шомполами, били чем попало и по

чём попало... всех подтасовывали под одну статью тяжких уголовных преступлений – «большевик», на уничтожение которых, как вредных для цивилизации народов Европы бацилл, они имели мандат от Антанты, поставившей волка (Польшу) в овечьи старосты» [9, с. 9].

Началась борьба белорусов с польской идеологической экспансией. Главной задачей этой борьбы стало развенчание святых для поляков образов. Задача в те времена не очень сложная, но требующая немалой смелости. Поводов же поляки давали предостаточно. Их пропагандистская продукция была пронизана национальным высокомерием, чванством, самолюбованием. Яркий пример – брошюра В. Ржимовского «О любви к Родине», насыщенная высокопарными, пафосными штампами: «Земля польская – единая и неделимая. Единство этой земли – единство сердец, которые её любят; братство сердец, в которых она живёт... Единство Польши есть единство чувств, которые живут в груди её обитателей...» [11, с. 10]. Другим примером является брошюра К. Бродзиньского «О национальности поляков» [12], рассчитанная на более развитого и, следовательно, более требовательного читателя. Призвание польского народа этот автор видел в том, чтобы «стоять на страже среди бурь на границе варварского и цивилизованного мира» [12, с. 16]. Его возвышенным предназначением – «защищать неблагодарных», а ещё более возвышенным – «представлять несколько десятков миллионов славян, в слепоте на него нападавших, пока те, рассеянные по северным льдам, медленно созревать будут» [13, с. 16]. «Чудесным его предназначеньем» было «даже в гробу выступить на зов о покушении на свободу народов, быть для них предостережением, как свидетельство преступления, над ним совершённого» [12, с. 16]. И, уже от имени всего польского народа Бродзиньский заявил: «Эти идеи и это предназначение постановил народ исполнить либо навсегда в гроб вернуться» [12, с. 16].

Автор изданной в 1921 г. в Белостоке брошюры «Наша крыўда» от имени «неблагодарных» (выражаясь словами из приведённой выше цитаты) белорусов заявил: «Поляк остался таким же обманщиком и задирой, каким он был и раньше. Где бы ни показался... со своим болезненным гонором, там ни мира, ни порядка не будет» [13, с. 6–7].

В этом же, 1921 г., дал свою характеристику полякам и А. И. Цвикевич: «Предрассудки шляхетской идеи, доведённые до детства и безумия, недисциплинированность, возведённая в принцип чести, – всё это делает поляков фальшивыми аристократами, фальшивыми демократами, фальшивыми католиками, фальшивыми революционерами, также как они были фальшивыми шляхтичами. Они будут верными только иезуитам» [10, с. 148].

И. Антонов в своей критике польского национального характера пошёл дальше других, посягнув на святые для поляков образы из трилогии Г. Сенкевича: «Ни один народ в мире не имеет такой грязной истории несправедливости и хищничества, предательства, своевольтства, взаимных свар и самого жёсткого эгоизма, как народ польский... Что ни тип у него, то преступник, злодей, насильник, предатель, обманщик... Заглобы, Кмитицы, Бутримы и другие – были и есть, и будут польские герои, и только польские, ибо каждый народ сторонился бы таких героев, как заразы, как яда. Вот эти Заглобы, Кмитицы, Бутримы в облике разных поручиков, референтов, чиновников, вахмистров, жандармов с времён оккупации польской обосновались на Виленщине и Гродненщине» [9, с. 40–41].

Стараниями поляков и российских большевиков чаяния представителей белорусской национальной элиты и проделанная уже ими работа по созданию Белорусской Народной Республики были погребены в протоколах переговоров, завершивших советско-польскую войну. Рижский договор развеял остатки последних иллюзий белорусов насчёт поляков. Свобода, завоёванная поляками в борьбе с теми, кого они справедливо считали своими угнетателями, позволила проявиться далеко не самым лучшим качествам их национального характера. Восстанавливая свои «исторические права» на белорусские земли и свой господствующий статус на них, поляки вызвали огромное разочарование среди белорусов и дали новый, «горючий» материал для формирования в белорусской публицистике, периодической печати, художественной литературе 20-х – 30-х годов XX в. негативного стереотипа поляка и Польши.

Источники и литература

1. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII стагоддзя / Г. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.
2. Прамова Мялешкі // Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя. – Мінск.: Беларуская навука, 2003. – С. 674–677.
3. Першая Ўстаўная грамата да народаў Беларусі [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/akty-belaruskay-narodnay-respubliki/pershaya-usta-naya-gramata-da-naroda-belarusi/>. – Дата доступу : 08. 12. 2020.
4. Другая Ўстаўная грамата [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyuna-prava-belarusi/akty-belaruskay-narodnay-respubliki/drugaya-usta-naya-gramata-da-naroda-belarusi/>. – Дата доступу : 08. 12. 2020.
5. Трэцяя Ўстаўная грамата [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://be.wikisource.org/wiki/Трэцяя_Ўстаўная_грамата. – Дата доступу : 08. 12. 2020.
6. Господину Германскому Имперскому Канцлеру [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://pawet.net/library/history/bel_history/_bnr/00027/Дакуманты_і_матар'ялы_сабраныя_..._для_друку_камісіяй_Беларускай_Цэнтральнай_Рады.html#25. – Дата доступа : 08. 12. 2020.
7. Chojnowski, A. Zasady Białoruskiej polityki Piłsudczyków / A. Chojnowski // Polska – Polacy – mniejszości narodowe. – Wrocław: Ossolineum, 1992. – S. 269–278.
8. Вільня, 17 красавіка 1921 г. // Беларускі звод. – 1921, №7. – С. 1–2.
9. Антонаў, І. Г. Успаміны аб польскай акупацыі Горадзеншчыны ў 1919–1921 гг. / І. Г. Антонаў. – Б.м.: б.в., 1921. – 83 с.
10. Цвікевіч, А. Адраджэнне Беларусі і Польшча / А. Цвікевіч. – Мінск – Вільня – Берлін: Вызваленне, 1921. – 191 с.
11. Rzymowski, W. O miłości Ojczyzny / W. Rzymowski. – Warszawa: Wyd-wo red. „Żołnierza polskiego”, 1920. – 27 s.
12. Brodziński, K. O narodowości polaków / K. Brodziński. – Warszawa: Wyd. M. Arcta, 1917. – 34 s.
13. Лесавік, В. Наша крыўда / В. Лесавік. – Беласток: Беларускае выдавецтва, 1921. – 21 с.

УДК 94 (476+477) «193»

М. И. Старовойтов

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

НАСЕЛЕНИЕ БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НАКАНУНЕ ЛИКВИДАЦИИ РИЖСКОГО ДОГОВОРА (ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье предпринята попытка путем компаративистского подхода на основе рассекреченных материалов переписи населения 1939 г. дать характеристику национального и социального состава населения Полесской и Житомирской областей белорусско-украинского пограничья накануне ликвидации Рижского договора. После его заключения территория этого региона входила в западную пограничную полосу СССР, что обусловило специфику развития его экономики и наращивание воинского контингента, повлиявших на изменения в этносоциальном составе населения белорусско-украинского пограничья.